

ТИБЕТСКАЯ КНИГА МЕРТВЫХ

БАРДО ТХЁДОЛ

Осознав, что пустота твоего разума есть состояние Будды, и рассматривая ее как свое собственное сознание, ты достигнешь состояния Божественного Разума, Будды

Из глубины этого сияния раздается естественный звук Реальности, подобный раскатам тысячи громов. Это естественный звук твоего подлинного «я»

Состояние Бардо — это посмертный сон, сменяющийся бодрствованием земной жизни

С КОММЕНТАРИЯМИ
И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

**Эпосы, легенды и сказания
Тибетская Книга
мертвых (Бардо Тхёдол).
С комментариями
и иллюстрациями
Серия «Популярная
философия с иллюстрациями»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74120987

Тибетская книга мертвых:

ISBN 978-5-17-186984-7

Аннотация

Тибетская книга мертвых – уникальный памятник буддийской мысли, который с позиций современной психологии можно назвать подробной картой измененных состояний сознания. Книга описывает три стадии Бардо: момент смерти (Чигай Бардо), постижение реальности (Ченид Бардо) и стремление к новому рождению (Сидпа Бардо).

Особую ценность изданию придает работа Карла Густава Юнга. Основоположник аналитической психологии увидел в «Бардо Тхёдол» не столько религиозный ритуал, сколько

универсальное описание процессов, происходящих в психике при угасании эго-сознания. Яркие видения божеств, по Юнгу – это архетипы коллективного бессознательного, а весь путь умершего символизирует этапы индивидуации и освобождения от ложных привязанностей.

Книга будет полезна психологам, философам и всем, кто интересуется глубинными механизмами психики.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Тибетская книга мертвых

© А.В. Марков, составление, предисловие, комментарии,
2026

© Издательство АСТ, 2026

Предисловие

I. Книга, которая не хотела быть книгой

Представьте себе текст, принципиально отказывающийся быть тем, чем его считают. Текст, который на самом деле не является книгой в привычном смысле – его нельзя просто «прочитать» и поставить на полку. Текст, который веками передавался изустно, шепотом, в непосредственной близости от уха умирающего. Текст, само название которого – «Бардо Тхёдол» – означает не что иное как «Освобождение посредством слушания». Заметьте: не чтения. Слушания.

Это, если угодно, первая и главная философская провокация памятника, который на Западе вот уже столетие знают под броским, но несколько вводящим в заблуждение заголовком «Тибетская книга мертвых». Уолтер Эванс-Венц, американский антрополог и теософ, выпустивший в 1927 году первый английский перевод, сознательно выбрал название, отсылающее к древнеегипетским погребальным текстам – расчет оказался безупречным: европейский читатель, воспитанный на романтическом ориентализме, получил ровно ту экзотику, которую жаждал. Но эта маркетинговая удача обернулась концептуальной ловушкой: закрепив за текстом

статус «книги мертвых», западная культура почти на столетие заслонила его подлинную природу.

А природа эта парадоксальна до головокружения. «Бардо Тхёдол» – это инструкция, которая должна быть произнесена над телом умершего, чтобы помочь его сознанию сориентироваться в промежуточном состоянии (собственно, *бардо*) между смертью и следующим рождением. Но – и здесь начинается философия в самом строгом смысле слова – эта инструкция одновременно адресована живым. Более того: только живой, освоивший ее логику при жизни, способен действительно услышать ее в посмертном бардо. Круг замыкается: книга для мертвых оказывается книгой для живых, а граница между жизнью и смертью предстает не онтологическим разрывом, но континуумом сознания.

Тибетская традиция приписывает создание текста Падмасамбхаве – легендарному индийскому учителю VIII века, принесшему буддизм в Тибет. Согласно преданию, он не просто составил текст, но сокрыл его как *терма* – «сокровище-учение», подлежащее обнаружению в будущем, когда сознание человечества созреет для его восприятия. В XIV веке «кладоискатель духовных сокровищ» (*тертон*) Карма Лингпа извлек текст из тайника в горах Гампо. Этот сюжет – не просто колоритная деталь тибетской агиографии. В нем зашифрована важнейшая философская интуиция: некоторые истины не могут быть «написаны» в профанном смысле, они должны быть *обретены* – причем обретыны тем, кто уже го-

тов их вместить. Текст не предшествует читателю, а возникает вместе с ним.

II. Драматургия сознания: от ясного света к новому рождению

Структура «Бардо Тхёдол» описывает три ключевых этапа посмертного странствия, и каждый из них представляет собой не столько «событие», сколько модус восприятия реальности.

Первый этап – *Чикхай-бардо* (бардо момента смерти) – философски наиболее радикален. В момент умирания, когда последовательно растворяются элементы, составлявшие психофизический комплекс личности (земля, вода, огонь, воздух), сознанию предстает то, что текст называет «Ясным Светом Реальности» – изначальной, необусловленной природой ума. Это не свет в буквальном смысле, но метафора чистой осознанности, свободной от двойственности субъекта и объекта. Узнавание этого света как собственной природы и есть освобождение – выход из колеса перерождений. Парадокс в том, что узнавать, строго говоря, нечего: Ясный Свет – это не «нечто», что можно схватить восприятием или мыслью, это сама способность сознать, лишенная содержания.

Здесь тибетская мысль совершает жест, который европейская философия осмелилась повторить лишь в XX веке, – у Хайдеггера с его различением бытия и сущего, у Витген-

штейна с его «о чем нельзя говорить, о том следует молчать». «Бардо Тхёдол» говорит о невыразимом – но говорит прагматически, инструментально, как о том, с чем можно работать. Это не мистическое бормотание, а почти технологическое описание: «Твое сознание сияющее, пустое, неотделимое от Великого Источника Света, не рождается и не умирает».

Однако большинство существ – и в этом антропологический пессимизм текста граничит с его сострадательной мудростью – не узнают Ясный Свет. Испуганное радикальной открытостью, сознание отшатывается и вступает во второй этап – *Чёньид-бардо* (бардо переживания реальности). Здесь начинается великая феноменологическая драма: сознание, лишенное опоры в физическом теле, порождает миры из собственных кармических отпечатков. Мирные и гневные божества, сияния и звуки, устрашающие видения – все это, настойчиво повторяет текст, как раз проекции самого ума. «Даже боги есть не что иное, как сияние и отражение нашей собственной души», – резюмирует эту интуицию Карл Густав Юнг в своем знаменитом «Психологическом комментарии», который стал для западного читателя едва ли не столь же важным, как сам тибетский текст и поэтому печатается в этой книге.

Здесь тибетская мысль предлагает радикальную феноменологию, в которой исчезает различие между «внешним» и «внутренним». Божества бардо – не объективные сущно-

сти, но и не «просто галлюцинации» в редукционистском смысле. Они обладают той реальностью, которой обладают сновидения для спящего, – то есть полной, убедительной, захватывающей реальностью, способной определять судьбу сознания. Юнг, вчитываясь в «Бардо Тхёдол», увидел в этой структуре универсальный процесс индивидуации: встречу сознания с архетипическими содержаниями бессознательно-го. Более того, он предложил перевернуть порядок чтения: если читать текст от конца к началу, от описания вхождения в материнскую утробу к сиянию Ясного Света, мы получим карту психоаналитического путешествия – от эдипальных содержаний к архетипическим и, возможно, к самости.

Наконец, третий этап – *Сидпа-бардо* (бардо становления) – описывает процесс, ведущий к новому рождению. Сознание, не сумевшее освободиться на предыдущих стадиях, движимое кармическими ветрами, ищет новое воплощение. Текст подробно описывает видения, предшествующие рождению в одном из шести миров буддийской космологии, – от мира богов до адских сфер. И здесь вновь звучит прагматический императив: даже на этом этапе возможно если не полное освобождение, то хотя бы выбор благоприятного рождения. «Бардо Тхёдол» – это предельно нефундаменталистский текст: он не обещает спасения избранным, но предлагает инструкцию, работающую на любом уровне, доступном данному сознанию.

III. Философский скандал: смерть как эпистемологическая привилегия

Европейская философская традиция, от Платона до Хайдеггера, знает мотив «заботы о себе как заботы о смерти» как условия подлинного философствования. Сократ, ожидающий казни в афинской тюрьме, говорит: философ всю жизнь учится умирать. Но между платоническим *melete thanatou* и тибетским бардо существует фундаментальное различие. Для Платона смерть – это освобождение души от тела, позволяющее ей созерцать идеи в их чистоте. Смерть, таким образом, *эпистемологически продуктивна*: умерев, мы узнаем истину, скрытую от нас при жизни телесными помехами.

«Бардо Тхёдол» предлагает куда более провокативную модель. Смерть здесь – не просто снятие помех, но *радикализация творческой способности сознания*. В бардо ум не столько «видит истину», сколько *порождает реальность* с невиданной при жизни интенсивностью. Кармические отпечатки, накопленные за бесчисленные жизни, разворачиваются как грандиозное космическое представление, в котором сознание одновременно и режиссер, и зритель, и актер. Проблема не в том, что тело мешает видеть, а в том, что без тренировки ум не выдерживает собственной творческой мощи – пугается своих порождений и бежит в новое воплощение.

Этот ход мысли имеет неожиданные параллели в совре-

менной философии сознания. Когда Томас Метцингер, один из ведущих теоретиков нейрофеноменологии, говорит о сознании как о «туннеле эго» – виртуальной реальности, которую мозг создает для организма, – он, сам того не зная, перекликается с тибетской теорией бардо. И там, и там реальность, которую мы считаем «внешней», оказывается конструкцией, а граница между восприятием и галлюцинацией – зыбкой и контекстуально зависимой. Разница, пожалуй, в том, что тибетская мысль делает из этого не теоретический вывод, а практический: если реальность – конструкция, то конструкцию можно перенастроить.

Современные исследования предлагают еще более неожиданные параллели. В недавней работе гонконгских ученых бардо рассматривается как модель для понимания цифровой идентичности – того, что происходит с «я» в виртуальных пространствах, где аватары умирают, аккаунты исчезают, а сознание вынуждено пересобирать себя заново. Это может показаться экстравагантной аналогией, но в ней есть глубокая правда: «Бардо Тхёдол» всегда был текстом о *переходе*, о лиминальных состояниях, где прежняя идентичность уже невозможна, а новая еще не сформирована. В этом смысле вся наша жизнь – череда бардо: рождение, взросление, кризисы, смена профессий, любовь, расставание, старение.

IV. Западное эхо: Юнг, Лири и пределы интерпретации

История рецепции «Бардо Тхёдол» на Западе сама по себе достойна философского осмысления. В 1927 году, когда Эванс-Венц опубликовал свой перевод, европейская культура переживала глубокий кризис рационализма. Первая мировая война разрушила веру в прогресс, психоанализ открыл бездны бессознательного, квантовая физика поставила под вопрос саму идею объективной реальности. В этом контексте тибетский текст, говорящий о сознании как о творце миров, упал на подготовленную почву.

Карл Густав Юнг, написавший психологический комментарий к изданию Эванс-Венца, включенный в настоящее издание, увидел в «Бардо Тхёдол» подтверждение своей теории архетипов коллективного бессознательного. Но его прочтение было глубоко амбивалентным. С одной стороны, он признавал величие текста и его психологическую глубину. С другой стороны, предостерегал западного читателя от прямого применения восточных практик: «Йога на Западе превращается в гимнастику, а медитация – в технику релаксации», – писал он. Юнг опасался, что встреча западного эго с содержаниями, описанными в «Бардо Тхёдол», может привести не к освобождению, а к психотической диссоциации. Европейское сознание, по Юнгу, слишком слабо укоренено

в себе, чтобы безопасно отпустить себя в бардо.

Между юнгианской осторожностью и лириевским радикализмом располагается пространство философского вопрошания: что значит «понять» текст, принадлежащий радикально иной культуре и эпохе? Дональд Лопес, один из крупнейших современных буддологов, в своем исследовании «Тибетская книга мертвых: биография» показывает, что западная рецепция текста была серией последовательных присвоений: Эванс-Венц читал его сквозь теософские очки, Юнг – сквозь аналитическую психологию, Лири – сквозь психоделическую утопию. В каком-то смысле «Бардо Тхёдол» стал зеркалом, в котором Запад разглядывал собственные надежды и страхи, связанные со смертью и трансформацией сознания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.